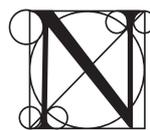

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

ТРИ ТОВАРИЩА

*АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44
Р37

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Maria Remarque
DREI KAMERADEN

Перевод с немецкого И. Шрайбера

Серийное оформление Е. Фerez

Печатается с разрешения The Estate of the Late Paulette
Remarque и литературных агентств
Mohrbooks AG Literary Agency и Synopsis.

Ремарк, Эрих Мария.

Р37 Три товарища : [роман] / Эрих Мария Ремарк; [пер. с нем. И. Шрайбера.] — Москва: АСТ, 2015. — 478, [2] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-080107-7

Самый красивый в двадцатом столетии роман о любви...
Самый обаятельный роман в двадцатом столетии
о дружбе...

Самый трагический и самый прелестный роман о человеческих отношениях за всю историю двадцатого века.

УДК 821.112.2-31
ББК 84 (4Гем)-44

© The Estate of the Late Paulette Remarque, 1937
© Перевод. И. Шрайбер, наследники, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

I

Небо было желтым, как латунь, и еще не закопчено дымом труб. За крышами фабрики оно светилось особенно ярко. Вот-вот взойдет солнце. Я глянул на часы. До восьми оставалось пятнадцать минут. Я пришел раньше обычного.

Я открыл ворота и наладил бензоколонку. В это время первые машины уже приезжали на заправку. Вдруг за моей спиной послышалось надсадное кряхтение, будто под землей прокручивали ржавую резьбу. Я остановился и прислушался. Затем прошел через двор к мастерской и осторожно открыл дверь. В полумраке, пошатываясь, сновало привидение. На нем были испачканная белая косынка, голубой передник и толстые мягкие шлепанцы. Привидение размахивало метлой, весило девяносто килограммов и было уборщицей Матильдой Штосс.

С минуту я стоял и разглядывал ее. Переваливаясь на нетвердых ногах между радиаторами автомобилей и напевая глуховатым голосом песенку о верном гусаре, она была грациозна, как бегемот. На столе у окна стояли две бутылки коньяку — одна уже почти пустая. Накануне вечером она была не почата. Я забыл спрятать ее под замок.

— Ну, знаете ли, фрау Штосс... — вымолвил я.

Пение прекратилось. Метла упала на пол. Блаженная ухмылка на лице уборщицы погасла. Теперь привидением был уже я.

— Иисусе Христе... — с трудом пробормотала Матильда и уставилась на меня красными глазами. — Не думала я, что вы так рано заявитесь...

— Понятно. Ну а коньячок ничего?

— Коньяк-то хорош... но мне так неприятно. — Она вытерла ладонью губы. — Прямо, знаете, как обухом по голове...

— Не стоит преувеличивать. Просто вы накачались. Как говорится, пьяны в стельку.

Она едва удерживалась в вертикальном положении. Ее усики подрагивали, а веки хлопали, как у старой совы. Но вскоре она кое-как овладела собой и решительно сделала шаг вперед.

— Господин Локамп!.. Человек всего лишь человек... Сперва я только приносивалась... потом не выдержала, сделала глоток... потому что в желудке у меня всегда, знаете ли, какая-то вялость... Вот... а потом... а потом, видать, бес попутал меня... И вообще — нечего вводить бедную женщину в искушение... нечего оставлять бутылки на виду.

Уже не впервые я заставлял ее в таком виде. По утрам она приходила на два часа убирать мастерскую, и там можно было спокойно оставить сколько угодно денег, к ним она не прикасалась... А вот спиртное было для нее то же, что сало для крысы.

Я поднял бутылку.

— Коньяк для клиентов, вы, конечно, не тронули, а любимый сорт господина Кестера вылакали почти до дна.

Огрубевшее лицо Матильды исказилось гримасой удовольствия.

— Что правда, то правда... В этом я знаю толк. Но, господин Локамп, неужто вы выдадите меня, незащищенную вдову?

Я покачал головой:

— Сегодня не выдам.

Она опустила подоткнутый подол.

— Ладно, тогда улепетываю. А то придет господин Кестер... ой, не приведи Господь!

Я подошел к шкафу и отпер его.

— Матильда...

Она торопливо подковыляла ко мне. Я поднял над головой коричневую четырехгранную бутылку.

Она протестующе замахала руками:

— Это не я! Честно вам говорю! Даже и не пригубила!

— Знаю, — сказал я и налил полную рюмку. — А вы это когда-нибудь пробовали?

— Вопрос! — Она облизнулась. — Да ведь это ром! Выдержанный ямайский ром!

— Правильно. Вот и выпейте рюмку!

— Это я-то? — Она отпрянула от меня. — Зачем же так издеваться, господин Локамп? Разве можно каленым железом по живому телу? Старуха Штосс высосала ваш коньяк, а вы ей в придачу еще и ром подносите. Да вы же просто святой человек, именно святой... Нет, уж лучше пусть я умру, чем выпью!

— Значит, не выпьете?.. — сказал я и сделал вид, будто хочу убрать рюмку.

— Впрочем... — Она быстро выхватила ее у меня. — Как говорят, дают — бери. Даже если не понимаешь, почему дают. Ваше здоровье! А у вас, случаем, не день ли рождения?

— Да, Матильда. Угадали.

— Да что вы! В самом деле? — Она вцепилась в мою руку и принялась ее трясти. — Примите мои самые сердечные поздравления! И чтобы деньжонок побольше! — Она вытерла рот. — Я так разволновалась, что обязательно должна тяпнуть еще одну. Ведь вы мне очень дороги, так дороги — прямо как родной сын!..

— Хорошо.

Я налил ей еще одну рюмку. Она разом опрокинула ее и, прославляя меня, вышла из мастерской.

Я спрятал бутылку и сел за стол. Через окно на мои руки падали лучи бледного солнца. Все-таки странное

это чувство — день рождения. Даже если он тебе, в общем, безразличен. Тридцать лет... Было время, когда мне казалось, что не дожить мне и до двадцати, уж больно далеким казался этот возраст. А потом...

Я достал из ящика лист бумаги и начал вспоминать. Детские годы, школа... Это было слишком давно и уже как-то неправдоподобно. Настоящая жизнь началась только в 1916 году. Тогда я — тощий восемнадцатилетний верзил — стал новобранцем. На вспаханном поле за казармой меня муштровал мужланистый усатый унтер: «Встать!» — «Ложись!» В один из первых вечеров в казарму на свидание со мной пришла моя мать. Ей пришлось дожидаться меня больше часа: в тот день я уложил свой вещевой мешок не по правилам, и за это меня лишили свободных часов и послали чистить отхожие места. Мать хотела помочь мне, но ей не разрешили. Она расплакалась, а я так устал, что уснул еще до ее ухода.

1917. Фландрия. Мы с Миддендорфом купили в кабачке бутылку красного. Думали попить. Но не удалось. Рано утром англичане начали обстреливать нас из тяжелых орудий. В полдень ранило Кестера, немного позже были убиты Майер и Детерс. А вечером, когда мы уже было решили, что нас оставили в покое, и распечатали бутылку, в наши укрытия потек газ. Правда, мы успели надеть противогазы, но у Миддендорфа порвалась маска. Он заметил это слишком поздно и, покуда стаскивал ее и искал другую, наглотался газу. Долго его рвало кровью, а наутро он умер. Его лицо было зеленым и черным, а шея была вся искромсана — он пытался разодрать ее ногтями, чтобы дышать.

1918. Это было в лазарете. Несколькими днями раньше с передовой прибыла новая партия. Бумажный перевязочный материал. Тяжелые ранения. Весь день напролет въезжали и выезжали операционные каталки. Иногда они возвращались пустыми. Рядом со мной лежал Йозеф Штоль. У него уже не было ног, а он еще не знал об этом. Просто этого не было видно — проволочный

каркас накрыли одеялом. Он бы и не поверил, что лишился ног, ибо чувствовал в них боль. Ночью в нашей палате умерло двое. Один — медленно и тяжело.

1919. Я снова дома. Революция. Голод. На улицах то и дело строчат пулеметы. Солдаты против солдат. Товарищи против товарищей.

1920. Путч. Расстрел Карла Брегера. Кестер и Ленц арестованы. Моя мама в больнице. Последняя стадия рака.

1921... Я напрасно пытался вспомнить хоть что-нибудь. Словно этого года вообще не было. В 1922-м я был железнодорожным рабочим в Тюрингии, в 1923-м руководил отделом рекламы фабрики резиновых изделий. Тогда была инфляция. Мое месячное жалованье составляло двести миллиардов марок. Деньги выплачивали дважды в день, и после каждой выплаты предоставлялся получасовой отпуск, чтобы обежать магазины и что-нибудь купить, пока не вышел новый курс доллара и стоимость денег не снизилась вдвое...

А потом?.. Что было в последующие годы? Я отложил карандаш. Стоило ли воскрешать все это в памяти? К тому же многое я просто не мог вспомнить. Слишком все перемешалось. Мой последний день рождения я отмечал в кафе «Интернациональ», где в течение года работал пианистом — должен был создавать у посетителей «лирическое настроение». Потом снова встретил Кестера и Ленца. Так я и попал в «Аврема» — «Авторемонтную мастерскую Кестера и К°». Под «К°» подразумевались Ленц и я, но мастерская, по сути дела, принадлежала только Кестеру. Прежде он был нашим школьным товарищем и ротным командиром; затем пилотом, позже некоторое время студентом, потом автогонщиком и, наконец, купил эту лавочку. Сперва к нему присоединился Ленц, который несколько лет околачивался в Южной Америке, а вслед за ним и я.

Я вытащил из кармана сигарету. В сущности, я мог быть вполне доволен. Жилось мне неплохо, я работал, силенок хватало, и я не так-то скоро уставал — в общем,

как говорится, был здоров и благополучен. И все же не хотелось слишком много думать об этом. Особенно наедине с самим собой. Да и по вечерам тоже. Потому что время от времени вдруг накатывалось прошлое и впивалось в меня мертвыми глазами. Но для таких случаев существовала водка.

На дворе заскрипели ворота. Я разорвал листок с датами моей жизни и бросил клочки в корзинку. Дверь распахнулась настежь, и в ее проеме возник Ленц — длинный, худой, с гривой волос цвета соломы и носом, который подошел бы совсем другому человеку.

— Робби, — рявкнул он, — старый спекулянт! Ну-ка встать и стоять смирно! Начальство желает говорить с тобой!

— Господи Боже мой! — Я поднялся. — А я-то надеялся, что вы и не вспомните. Помилосердствуйте, ребята, прошу вас!

— Так легко от нас не отделаешься! — Готтфрид положил на стол пакет, в котором что-то здорово задребезжало. За ним вошел Кестер. Ленц встал передо мной во весь свой огромный рост.

— Робби, что тебе сегодня бросилось в глаза раньше всего другого?

— Танцующая старуха, — вспомнил я.

— Святой Моисей! Дурная примета! Но, знаешь ли, она в духе твоего гороскопа. Только вчера я его составил. Итак, рожденный под знаком Стрельца, ты человек ненадежный и колеблешься, как тростник на ветру. А тут еще эти подозрительные тригоны Сатурна. Да и Юпитер в этом году подкачал. Но поскольку мы с Отто вроде как твои отец и мать, то я первым преподношу тебе нечто для самозащиты. Возьми этот амулет. Когда-то я получил его от девы, чьими предками были инки. В ней текла голубая кровь, были у нее плоскостопие, вши и дар предсказывать будущее. «О, белокожий чужеземец, — сказала мне она, — этот талисман носили на себе короли, в нем заключены все силы Солнца, Земли и Луны, уж не говоря о более мелких планетах. Дай

доллар серебром на водку и бери его». И дабы не обрывались звенья счастья, я передаю его тебе, Робби.

С этим он надел мне на шею крохотную черную фигурку на тонкой цепочке.

— Вот так-то! Это против горестей высшего порядка. А от повседневных неприятностей вот — шесть бутылок рому. Их дарит тебе Отто! Этот ром вдвое старше тебя!

Он развернул пакет и одну за другой поставил бутылки на стол, залитый светом утреннего солнца. Бутылки сверкали, как янтарь.

— Великолепное зрелище, — сказал я. — И где ты их только раздобыл, Отто?

Кестер рассмеялся:

— Довольно путаная история. Долго рассказывать... Лучше скажи, как ты-то себя чувствуешь? Как тридцатилетний?

Я махнул рукой.

— Да вроде бы нет — чувство такое, будто мне шестнадцать и в то же время пятьдесят. В общем, хвалиться нечем.

— И это ты называешь «хвалиться нечем»! — возразил Ленц. — Да пойми ты — выше этого вообще ничего нет. Ведь ты без чьей-либо помощи, так сказать, суверенно покорил время и проживешь целых две жизни.

Кестер внимательно смотрел на меня.

— Оставь его, Готтфрид, — сказал он. — Дни рождения ущемляют самолюбие человека. Особенно по утрам... Но ничего — постепенно он придет в себя.

Ленц сощурился.

— Чем меньше у человека самолюбия, Робби, тем большего он стоит. Тебя это утешает?

— Нет, — ответил я, —нисколько. Если человек чего-то стоит, значит, он уже как бы памятник самому себе. По-моему, это и утомительно, и скучно.

— Ты только подумай, Отто! Он философствует, — сказал Ленц. — Следовательно, он спасен. Он преодолел самое страшное — минуту безмолвия в собственный день

рождения, когда человек заглядывает самому себе в глаза и внезапно обнаруживает, какой же он жалкий цыпленок... А теперь мы можем со спокойной совестью приступить к трудам праведным и смазать внутренности старого «кадиллака»...

Мы кончили работать, когда уже смеркалось. Затем умылись и переоделись. Ленц с вождением смотрел на батарею бутылок.

— Не свернуть ли нам шею одной из них?

— Это должен решить Робби, — сказал Кестер. — Человек получил подарок, а ты к нему с такими прозрачными намеками. Некрасиво это, Готтфрид.

— А заставлять дарителей подыхать от жажды, потвоему, красиво? — ответил Ленц и откупорил бутылку.

Сразу по всей мастерской разлился аромат рома.

— Святой Моисей! — воскликнул Готтфрид.

Мы стали принюхиваться.

— Не запах, а просто какая-то фантастика, Отто. Для достойных сравнений нужна самая высокая поэзия.

— Просто жалко распивать такой ром в этой конуре! — решительно заявил Ленц. — Знаете что? Поедем за город, там где-нибудь поужинаем, а бутылку прихватим с собой. Разопьем ее на природе.

— Блестящая мысль.

На руках мы откатали «кадиллак», с которым провозились почти весь день. За ним стоял довольно странный предмет на колесах. То была гордость нашей мастерской — гоночная машина Отто Кестера.

В свое время, попав на аукцион, Кестер по дешевке приобрел этот высокий старый драндулет. Знатоки без колебаний утверждали, что это был бы любопытный экспонат для музея истории транспорта. Больвис, владелец фабрики дамских пальто и гонщик-любитель, посоветовал Отто переделать эту штуку в швейную машину. Но Кестера все это ничуть не трогало. Он разобрал свое приобретение на части, словно часовой механизм, и несколько ме-

сяцев кряду ежедневно возился с ним дотемна. Как-то вечером подкатил на нем к бару, который мы обычно посещали. Больвис так расхохотался, что едва не свалился со стула, — детище Кестера по-прежнему выглядело крайне смешно. Чтобы позабавиться, Больвис предложил Отто пари — двести марок против двадцати, если тот рискнет на своей таратайке помериться силами с его новой спортивной машиной. Дистанция — десять километров, Кестер получает для своей машины фору в один километр. Отто согласился. Кругом стоял хохот — все предвкушали небывалую потеху. Но Кестер изменил условия состязания: он отказался от форы и с самым невозмутимым видом предложил повысить ставку до тысячи марок с обеих сторон. Больвис оторопел и спросил Отто, не отвезти ли его в дом для душевнобольных. Вместо ответа тот запустил двигатель. Оба сразу же тронулись с места, чтобы решить, кто — кого. Через полчаса Больвис вернулся с таким расстроенным видом, словно увидел морского змея. Молча он выписал чек и тут же стал выписывать второй — хотел, не сходя с места, купить эту старомодную машину. Но Кестер высмеял его. Теперь он не хотел расстаться с ней ни за какие деньги. Но как бы она ни была безупречна по своим техническим качествам, ее внешний вид все еще оставался страшноватым. Для каждодневного использования мы смонтировали какой-то особенно старомодный, прямо-таки допотопный кузов. Лак утратил блеск, крылья были в трещинах, а ветхий откидной верх прослужил никак не меньше десяти лет. Мы, конечно, могли бы придать машине куда более привлекательный вид, но по определенной причине сознательно не делали этого.

Машину мы назвали «Карл». «Карл» — призрак шоссе-сейных дорог.

Шурша шинами и сопя, «Карл» мчался по дороге.

— Отто, — сказал я. — Приближается жертва.

За нами нетерпеливо ревел клаксон тяжелого «бьюика». Он быстро нагнал нас, радиаторы поравнялись.

Мужчина за рулем небрежно глянул на нас. Затем презрительно скользнул взглядом по обшарпанному «Карлу», тут же отвернулся и, казалось, забыл о нашем существовании.

Но через несколько секунд ему пришлось убедиться, что «Карл» все еще идет с ним вровень. Он уселся поудобнее, с веселым любопытством снова посмотрел на нас и прибавил газу. Но «Карл» не сдавался. словно терьер рядом с догом, маленький и юркий, он стремительно несся вперед, не отставая от здоровенной махины, сверкающей лаком и хромом.

Мужчина покрепче ухватился за баранку. Не подозревая, что его ждет, он надменно скривил губы. Мы поняли — теперь он нам покажет, на что способна его колымага. Он с такой силой нажал на педаль газа, что его выхлопная труба заверещала, точно стая жаворонков над летним полем. Но все было напрасно — он не мог оторваться от нас. Неказистый, пожалуй, даже уродливый «Карл» как заколдованный прилепился к «бьюику». Его ошеломленный водитель вытаращился на нас. Ему было невдомек, как это при скорости свыше ста километров в час невозможно стряхнуть с себя этакое старье. Не веря глазам своим, он еще раз посмотрел на спидометр, видимо, усомнившись в точности его показаний. Затем пошел на всю железку.

Теперь обе машины неслись ноздря в ноздю по длинному прямому шоссе. Через несколько сотен метров показался шедший навстречу грохочущий грузовик. «Бьюику» пришлось отстать. Едва он опять поравнялся с «Карлом», как мы увидели другую встречную машину — на сей раз автокатафалк с венками, обвитыми развевающимися лентами. «Бьюик» вновь пристроился нам в хвост. А потом, насколько хватало глаз, — ничего встречного.

И куда только подевалась спесь нашего соперника! Злобно сжав губы, плотно усевшись за рулем и захваченный азартом гонки, он подался вперед. Казалось — честь

всей его жизни зависит от одного: ни за что не уступить этой жалкой шавке.

Мы же, напротив, притворяясь безразличными ко всему, сидели спокойно. «Бьюик» для нас просто не существовал. Кестер невозмутимо смотрел вперед, на шоссе, я со скучающим видом уставился куда-то в небо, а Ленц, хотя он внутренне и сжался в комок, достал газету и принялся якобы читать ее, да еще с таким интересом, словно в эту минуту ничто не могло быть для него важнее.

Через две-три минуты Кестер нам подмигнул. «Карл» незаметно терял скорость, и «бьюик» стал медленно обходить его. Вот перед нашими глазами проплыли широкие блестящие крылья. Синеватый отработанный газ, шумно вырывавшийся из выхлопной трубы, обдал нас. Постепенно «бьюик» ушел метров на двадцать вперед, и — как можно было предвидеть — его хозяин на мгновение высунулся из окна и, повернувшись к нам лицом, победоносно ухмыльнулся.

Но он позволил себе лишнее. Не в силах сдержать ощущение полнейшего торжества, он махнул нам рукой — дескать, попробуйте догоните!

Взмах его руки был небрежным, самоуверенным.

— Отто! — призывно воскликнул Ленц.

Но это было ни к чему. В ту же секунду «Карл» рванулся вперед. Засвистел компрессор, и сразу же исчезла только что махавшая нам рука. Послушный посылу, «Карл» набавлял скорость, и удержать его уже не могло ничто, он наверстывал все сполна. И вот тут-то мы как бы впервые заметили этот чужой автомобиль. С невинно вопрошающим видом мы смотрели на мужчину за рулем. Нам просто хотелось узнать, зачем это он махал нам рукой. Но он судорожно вперил взор вдаль, а перепачканный «Карл», распластав свои потрескавшиеся крылья, на полном газу ушел далеко вперед — непобедимый замарашка!

— Здорово получилось, Отто, — сказал Ленц Кестеру. — Боюсь, этот тип будет сегодня ужинать без всякого удовольствия.

Вот ради таких гонок мы и не меняли кузов «Карла». Стоило ему появиться где-нибудь на шоссе, как тут же находился охотник обставить его. На иные машины он действовал как ворона с подбитым крылом на свору изголодавшихся кошек. Он приводил в состояние сильнейшего возбуждения водителей самых мирных семейных автоэкипажей. Всем хотелось его обогнать. Даже самые солидные бородачи, отцы семейств, и те попадали под власть неодолимого честолюбия, когда перед ними, подпрыгивая и спотыкаясь на ухабах, двигалось это нечто на колесах. Никто из них не мог додуматься, что внутри смехотворного сооружения бьется великое сердце — отличный гоночный двигатель!

Ленц утверждал, что «Карл» играет чисто воспитательную роль. Он учит людей чтить творческое начало, которое всегда заключено в неприметной оболочке. Так рассуждал Ленц, который и о себе говорил, что он — последний из романтиков.

Мы остановились перед небольшой ресторацией и вылезли из машины. Стоял прекрасный тихий вечер. Борозды вспаханного поля с золотисто-коричневыми краями отливали фиолетовыми оттенками. На яблочно-зеленом небе, словно огромные фламинго, плыли облака, нежно оберегая мелькавший между ними молодой месяц. На ветках куста орешника было какое-то предощущение утренней зари. Орешник был трогательно наг, но полон надежд на близящееся набухание почек. Из кухни доносился аромат жареной печени. И еще — запах жареного лука. Наши сердца забились сильнее.

Ленц не выдержал и ворвался в дом. Вскоре он вернулся с просветленным лицом.

— Посмотрели бы вы на этот жареный картофель! Давайте поторопимся, а то, чего доброго, прозеваем самый вкус!

В эту минуту с легким гудением подъехала еще одна машина. Мы застыли, словно пригвожденные. Это был тот самый «бьюик». Он резко затормозил около «Карла».

— Оп-ля! — воскликнул Ленц.

Из-за подобных приключений у нас уже была не одна драка.

Мужчина вышел из автомобиля. Это был рослый и грузный человек в просторном реглане из верблюжьей шерсти. Он с досадой покосился на «Карла», затем снял плотные желтые перчатки и подошел к нам. Лицо его напоминало маринованный огурец.

— Что это у вас за модель? — спросил он Кестера, который стоял к нему ближе.

С минуту мы молча смотрели на него. Видимо, он принял нас за каких-то автомехаников, которые, нарядившись в воскресные костюмы, решили прокатиться на угнанной машине.

— Вы что-то сказали? — спросил Отто, как бы не решаясь намекнуть ему, что можно быть и повежливее.

Мужчина покраснел.

— Я просто спросил про эту машину, — буркнул он в том же тоне.

Ленц выпрямился. Его крупный нос вздрогнул. Он очень ценил вежливость в других. Но прежде чем он успел раскрыть рот, вдруг, словно по мановению какого-то духа, отворилась вторая дверца «бьюика». Из нее выснулась стройная ножка с узким коленом, а затем вышла девушка и медленно направилась к нам. Мы удивленно переглянулись. До этого мы и не замечали, что в «бьюике» был еще кто-то. Ленц мгновенно перестроился. Его веснушчатое лицо расплылось в широкой улыбке. Да и все мы — бог знает почему — заулыбались.

Толстяк озадаченно глядел на нас. Он потерял самообладание и явно не знал, как себя вести.

— Биндинг, — наконец, полупоклонившись, представился он, словно мог уцепиться за свою фамилию, как за якорь спасения.

Теперь девушка стояла вплотную к нам, и мы стали еще приветливее.